

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К27

Разработка серийного оформления
и иллюстрация на переплете — *К. А. Терина*

Картушов, Вадим Сергеевич.

К27 Стазис / Вадим Картушов. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-103605-8

Никто не знает, откуда в наш мир пришел Стазис. Почти никто не знает, что на той стороне. Но все знают три закона.

Первый — живое не может долго находиться на территории Стазиса, не став его частью.

Второй — когда тебя атакует эмиссар Стазиса, не смотри ему в глаза. Ты не сможешь отказаться от того, что увидишь в них.

Третий — Стазис всегда где-то рядом.

Есть и четвертый закон, который поможет тебе выжить. Но тот, кто его знает, всегда молчит.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103605-8

© Картушов В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Ангел мой в Соль-Илецке под слоем соли,
спит на руках у Лизы, не зная боли,
вены его лазурны, чиста рубаха,
губы его скульптурны под слоем праха,

губы его пурпурны, белесы брови,
фреской многофигурной, огнем и кровью
время его окружает, обходит с флангов
Навна, принцесса света, бессмертный ангел,

спит на руках у Лизы, уже не помня,
как мы ее зарыли в сырые комья,
как мы за ней ходили четыре года,
как мы о ней забыли — в момент ухода.

Дмитрий Мельников

ЧАСТЬ I

Эсхатон не туда

1.

Синклер

Синклер шел по железнодорожным путям. Под ногами хрустел гравий. Синклер легко перепрыгивал через две шпалы. Иногда он замирал и прислушивался к лесу по обе стороны от железной дороги, сначала к левой стороне, потом к правой. Настороженно, но уверенно, как опытный сторожевой пес.

«Они до сих пор не любят железную дорогу», — подумал он.

Синклер поправил вещмешок. От прыжков тот сбивался и начинал больно стучать по боку. У вещмешка не было одной лямки. Синклер носил его вольным манером, как студент — сумку с книгами, закидывая то на левое плечо, то на правое. Вещмешок тяжелый, в нем консервы, патроны, миска, кружка, некоторое количество полезных безделушек и книги.

Оказываясь в новом городе, Синклер первым делом искал библиотеку. В основном это были городские библиотеки — крупные или небольшие, государственные или районные. Чаще всего заброшенные. Изредка удавалось наткнуться на искомое в Кочевьях. Некоторые кочевники собирали с собой библиотечку и возили повсюду. Кочевые библиотеки Синклер не любил. Чаще всего там была белле-

тристика сомнительного качества. В заброшенных городских библиотеках он мог просидеть несколько суток, выбирая чтение в дорогу.

Мелкий дождик застал врасплох. Синклер нахотился и натянул самодельный капюшон из куска холщового мешка. Раньше это был довольно глупый капюшон, так как мешковина великолепно промокала под дождем. Но потом он обшил его кусочками брезента. Стало вполне сносно. Сверху не мокнет, снизу мягко. Правда, исколол себе все пальцы. Но мужчина обязан уметь шить, иначе будет выглядеть хуже отморозков с самого дна скверны.

— Утюгами, — сказал он и перепрыгнул с одного рельса на другой. — Матюгами. И смазными сапогами.

У Синклера были странные хобби. Например, он любил песни из разных старых фильмов.

— Все швыряли. И орали, — задумчиво добавил он. — И раздался вдруг. Печальный. Хруст серебряный. Прощальный. Умирующий хрустальный хруст. Хруст. Хруст. Хруст.

Он смачно пнул хрустящий железнодорожный гравий. Камешки взбрызнули волной и скатились по насыпи.

Впереди показался синий знак с белыми буквами «р. Скалба». От реки повеяло гнилостным запахом. Подул промозглый ветерок. Крупные редкие капли стали заливать лицо. Синклер поежился.

На автомобильном мосту через реку он увидел герб Хлеборобов. Герб был намалеван на картонке маркерами разноцветных веселых оттенков. Человечек на нем приветливо махал одной рукой, а другую упер в пояс.

Помимо веселого человечка, на гербе присутствовали четыре висельника. Машущий Хлебороб словно

предлагал полюбоваться на них и разделить его радость. На заднем плане можно было различить схематично нарисованное пшеничное поле, солнце и странного вида коробки — видимо, комбайны. Внизу картинки шел девиз, стилизованный под славянскую вязь: «ХЛЕБОРОБЫ. МЫ ДАРИМ ТЕПЛО».

— Тот, кто. С хрустальной душой. Тот наказан. Расплатой большой, — проговорил Синклер.

Герб был приклеен к деревянному колу. Кол, что характерно для Хлеборобов, воткнули в голову висельника. Труп, еще совсем свежий, слегка покачивался от ветра на поржавевших фермах моста.

Часов шесть. Значит, недавно был патруль, поменяли вывеску. Или постовые держат запас?

Висельник задумчиво болтался на канате. На лице было написано легкое удивление, словно в кафе ему принесли не тот заказ. У него даже рот слегка приоткрыт, будто он уже готов был обратить внимание официанта на этот конфуз.

— Интересно. Чем пробрили макушку. Прежде чем воткнуть? — задумчиво спросил Синклер. — Ледорубом? Пожалуй.

— Гвоздодером? — предположил голос из-за спины.

— Я знал. Вы там, — парировал Синклер. — Ваши засады. Становятся все прозаичнее.

— Это не засада, — обиделся обладатель голоса. — Это пост, мужик. Ты вступил на землю Хлеборобов.

— Я обратил внимание, — сказал Синклер, продолжая глядеть на висельника.

— Чего ты уставился на него? Это вор и негодяй, украл комбайн, набрал туда всякого добра со склада, еще украл двух баб и пытался на нем пробить периметр. Чтобы, значит, мы ломанулись заделывать, а на него бы забили. Он несет заслуженное наказание. Думаешь, мы жестокие придурки?

— Да что ты, — сказал Синклер. — Я думаю. Там четыре пиньяты. На вашем гербе. Никакой жестокости.

— Четыре чего?

— Такие штуки. Висят. Чтобы дети. Конфеты выбивали. Палками.

— Я тебе сейчас голову прострелю, — сказал постовой Хлеборобов.

— Можно повернуться?

— Нет, я не одет, — язвительно сказал постовой. — Съел, да? Сатирик, юморист. Пиньяты! Мы тоже умеем шутки шутить, понял, да, упырь сраный?

— Не надо так. Со мной говорить, — сказал Синклер без эмоций.

Постовой осекся, не успев развеселиться. Что-то в тоне Синклера дало ему понять, что говорить так действительно не стоит. От странных коренастых путников можно ждать любого дерьма. Например, что они окажутся профессиональными убийцами или родственниками князя.

— Ты можешь повернуться, — сказал он. — Подними руки. Назови свое имя и клан.

— Меня зовут Синклер. Клана нет, — сказал Синклер и повернулся.

Пост не внушал доверия. Главный, тот, что завел разговор, — рыжий, кудрявый и с семитской наружностью. Кожаный жилет, на груди нашивка с гербом Хлеборобов. Джинсы и высокие брезентовые бахилы. Под мостом прятаться в воде удобно. Несмотря на осеннюю промозглую погоду, руки голые, только на предплечьях длинные перчатки с раструбами. На плечах — татуировки.

«Щеголь, — подумал Синклер. — Решил бицепсами покрасоваться. Культурист. Сильный, но драться не умеет. Нож на поясе, а не на бедре. Сам прав-

ша, и нож с правой стороны. Автомат держит, как курсистка. Глазки бегают. Может пальнуть сторяча. Лицо слабовольное. Плохи дела у Хлеборобов, если стали на посты отражать любителей».

Двое остальных, в таких же клановых жилетах с нашивками, интереса не представляли. Стояли позади, руки на кобурах. Один более уверенный. Другой, помоложе, заметно нервничал.

— Вы братья? — спросил Синклер.

— Все люди братья, — торжественно ответил рыжий. — Ты не слишком дерзкий, дедушка? Через земли Хлеборобов без клана? Думаешь, мы тебя тут не пристрелим за красивые глаза? Мы пристрелим.

— Мой дедушка. Твоему дедушке. В рот не поместится, — сказал Синклер. — Решаем так. Я иду дальше.

— Дедушку моего не трогай, — сказал рыжий, видимо не совсем разобрав смысл сообщения.

Он набычился, готовый защищать семейную честь, но глаза нервно забегали. Человек без оружия дерзит человеку, который направил на него ствол, — и это на землях самого беспощадного клана вплоть до Урала. Здесь явно было что-то не так. Видно, что боец хотел еще многое сказать, но неожиданно агрессивный ответ его смутил. Он сдержался.

— Куда идешь? — спросил рыжий постовой. — Мы должны досмотреть твои вещи. И еще, это, ты должен заплатить налог. Взамен получишь транзитный номер на три дня. С ним сможешь пройти. Без него тебя на наших землях кончат. Надо успеть продлить, если не успел, тебя кончат. В города отдельный номер надо, зелененький, стоит дороже. Если в город с транзитом зайдешь, тебя кончат. Есть тебе, чем платить?

— Куда иду. Тебе неважно. Вещи не смотреть. Заплачу консервами.

— Сайра? — спросил постовой. — Это банок шесть надо.

— Горбуша, три банки. Армейская тушенка.

— Это дело! — оживился рыжий.

— Все. Давай городской номер.

— За городской добавить надо, — почтительно сказал рыжий.

Наличие армейской тушенки вызвало у постового неподдельное уважение.

— Галеты. Четыре штуки.

— Маловато, отец.

— Торговаться не надо.

На простоватом круглом лице старшего отразилась мучительная борьба. Синклер не сводил с него взгляда. С одной стороны, путник продолжал дерзить. С другой стороны, дерзить в ответ почему-то не хотелось. С третьей стороны, двое других постовых уже начали смотреть с недоумением — что это ты, мол, с ним церемонишься.

«У Горбача и Сереги нет такого чутья — на тех, кого злить не стоит», — подумал рыжий постовой. Что-то подсказывало ему — будь на месте старшего Горбач или Серега, все трое уже потихоньку сплавлялись бы по Скалбе со свинцом в различных частях тела.

— Нравишься ты мне, отец! Вот другого кого не пустил бы, а ты прям на душу лег! — воодушевленно сказал старший поста. — И говоришь по делу! Сказал — отрубил. Давай, мужик, ступай куда надо, мы возраст уважаем!

«Решил свести все на анекдотики и уважение к старшим, чтобы авторитет среди команды не потерять. И деликатно сделал вид, что забыл про шмон.

Молодец. Может, и не догадается. Может, и выживет», — подумал Синклер.

Расплатившись, Синклер затянул свой вещмешок, выразительно посмотрел на троих постовых. Рыжий улыбнулся, двое других смотрели как бараны. Коротко кивнув, он развернулся и пошел дальше по мосту. Висельник болтался по-прежнему безучастно.

Дождь полил сильнее. Синклер плотнее укутался и ускорил шаг.

— Но просто жаль. Об эту шваль. Разбить хрусталь. Хрусталь, — проговорил он.

Коренастая фигура медленно теряла очертания в облаке водяной взвеси и хмурым подмосковным тумане.

Рыжий любовно смотрел на большую банку настоящей армейской тушенки. Капельки весело и звонко стучали по блестящей поверхности. Двое других тянули руки — хотели потрогать. Рыжий дал одному подзатыльник, другого пнул в голень. Первый с удивлением отшатнулся, второй запрыгал на одной ноге, подвывая и матерясь.

— Руки прочь от дамы, сучата, — сказал он. — Чего глазами сверкаете, олухи сраные? У вас сколько нашивок?

— Одна, — пробормотал один.

— Одна, — сказал другой.

— У меня две нашивки и лычка. Я — старший поста. И я решил, что вам грязными копытами нельзя трогать мою девочку.

Рыжий вздохнул с удовлетворением. Авторитет был восстановлен. Горбач и Серега приуныли и опустили плечи.

Постовые спустились обратно под мост. Жили они там, как сказочные тролли — в грязи и унынии.

Сколоченная из грубых досок сторожка, прикрытая брезентом, вот и весь уют. Между стеной и сторожкой стояли велосипеды.

Развели костер, надумали греть консервы.

Сергея задумчиво поковырял пальцем крышу сторожки.

— Помнишь капюшон этого хмыря страшного? — сказал он.

— А что с ним?

— Сам из мешка, а обшит брезентом. И вообще он весь закутанный, как бабка на привозе в морозный день. А посмотрит из-под капюшона — жуть берет.

— И говорит строго, по-военному, — добавил Горбач. — Полковник, наверное.

— Строго. Обрывисто. И укутан, — сказал рыжий, и мелкие капельки холодного пота выступили на его спине. Мелкие детали, что насторожили его во время допроса, сложились в картину.

Рыжий все-таки не зря был назначен старшим поста. Хлеборобовский мастер обороны отмечал рыжего, ценил, видел в нем какое-то чутье, интуитивный талант. Рыжий не растерялся, не сделал вид, будто ничего не было.

— Жопы на штырь, погнались быстро! Оружие под руку! Догоняем хмурого!

— Да что случилось-то, батюшки, — перепугался Горбач, роняя консервный нож.

— Это, сука, эмиссар! Как увидите — стреляйте!

— Уверен? — внимательно спросил Сергей. — Мало ли где он пролез, да откуда?

— Мы ему номер городской выдали, мудозвоны! — заорал рыжий. — Это мертвое чмо сейчас до города дойдет, перережет там патрулей еще пару по дороге, пока не запалят. Убьют его, гля — а в вещах

номер. Чей пост выдал? Наш. Быстро по велям, надо его догнать и завалить!

Катиться на велосипедах по размокшей и хлюпающей земле — удовольствие ниже среднего. Фонарь хаотично метался, но повсюду были только водяная взвесь, туман и брызги грязи.

— Дождь, сука, следов не видать! — в отчаянии говорил рыжий. — И ни хера вообще не видать! В грязь закопается, как рак-отшельник, ищи потом!

— Далекое не мог уйти! — задыхаясь, пробормотал Горбач.

Он осмотрительно держался позади компаньонов.

Горбач был совсем молодой — лет двадцать. Он никогда раньше не видел живого эмиссара и очень боялся. Это вообще была его первая вахта на границе земель клана.

Метров через триста Серега заприметил впереди сторбленную фигурку, сидящую около дерева. Примерно в районе головы силуэта тлел красный огонек.

— Курит он, что ли? — удивился рыжий. — Сидит, устал, гнида. Откуда только сигареты взял?

Рыжему мучительно захотелось курить. До фигуры было еще далеко, и сидящий у дерева не заметил всадников. Погрузился в какие-то свои мысли.

— А какая процедура? — спросил Горбач нервно. — Зачитать ему кодекс перебежчика, или это...

— Дебил? — ответил Серега. — Это эмиссар. Валишь его сразу.

— А вдруг он это самое... — робко запротестовал Горбач.

— Валишь, — сказал рыжий и скинул автомат с плеча.

Промокший холодный воздух прорезала автоматная очередь. Мокрые осенние сумерки разметало вспышками. Сидящая фигура повалилась на бок.

Сигарета выпала изо рта и погасла, не успев долететь до земли.

— Дай я ему добавлю, — попросил Серега.

Он вскинул «макаров» и несколько раз прицельно выстрелил.

— Кучно, — похвалил рыжий. — Готовый, кажется. Пойдем зазырим. Горбач, чего встал?

Горбач, так и не достав оружия, ошеломленно смотрел на упавшую фигуру. И все? И весь эмиссар? Сидел, курил, бабах, готов? А если он все-таки не эмиссар? Горбачу было жалко мужика в капюшоне, тревожно и боязливо.

Постовые осторожно приблизились к фигуре. Впереди — Серега и рыжий. Горбач шагал позади. Он до сих пор не мог прийти в себя.

Внезапно мертвый силуэт резко подскочил одним неуловимым движением. Рыжий завизжал и обстрелял его. Серега тоже оторопел, но не визжал — вскинул пистолет и разрядил в грудь фигуре всю обойму. Та плясала в полуметре над землей, словно издеваясь над стрелками. Выстрелы выбивали из нее ошметки мяса и одежды.

Горбач стоял, оторопев. Он раньше напарников заметил сквозь завесу воды и тумана, что от шеи пляшущего в воздухе эмиссара идет веревка и уходит в крону дерева.

— Рыжий! Это кукла! — заорал он.

За визгом и пальбой они его так и не услышали. Будто в замедленной съемке, Горбач рванулся вперед, но не успел. Сначала Серега выронил пистолет из рук и рухнул лицом в мокрую грязь. Потом рыжий всхлипнул и повалился на землю. В тот же момент кукла висельника рухнула бесформенной грудой.

— Тихо, пацан, — сказал Синклер, выходя из-за дерева на другой стороне дороги.

В одной его руке была веревка, которую он ловко, но аккуратно сматывал, пробрасывал вокруг локтя. Горбач невольно залюбовался. В другой руке Синклера был пистолет. Выглядел он покойно и даже миролюбиво.

Синклер отцепил от шеи куклы край веревки и бережно сложил ее в вещмешок. На Горбача даже не обращал внимания. Потом не менее бережно обыскал трупы рыжего и Сереги. Дружески потрепал по плечу развороченную выстрелами куклу.

Горбач понял, что сидит на земле, обхватив колени руками и тихонько подвывая. Сейчас эмиссар доберется до него. Горбачу хотелось скорее запрыгнуть на велосипед, гнать во весь дух до первого встречного патруля, бродячей собаки, чего угодно, чтобы обнять это и зарыдать, лишь бы не быть рядом с мертвым куском ничто, который деловито обыскивает его погибших товарищей. Хотел встать, но ноги оказались ватными.

Тем временем Синклер закончил с делами и подошел к Горбачу.

— Я бы не стал, — с трудом выговорил он и крепко взял постового за плечо.

— Бля, бля, — сказал сквозь слезы Горбач. — Бля.

Сердце билось, как отбойный молоток. Казалось, он даже сквозь кожу жилета и перчатки эмиссара чувствует равнодушный холод Стазиса.

— Они первые стреляли. Ты видел, — сказал Синклер.

— Не в тебя!

— Думали — в меня. Не бойся. Я не трону. Я не эмиссар.

— Ты зачем, ты зачем? — спросил Горбач, не в силах сформулировать вопрос полностью.